

ИСРАЭЛЬ ШАМИР

НАКБА

Благоденствие на чужой беде

Русские путешественники, в последние годы зачавшие на Святую землю, нередко делятся впечатлениями: как всё обустроено в Израиле и запущено в Палестине. Иной раз из этого делают далеко идущие политические выводы – дескать, было бы лучше отдать всю землю евреям, они бы навели порядок.

Говорящие так москвичи и питерцы не подозревают, что иностранцы, приезжающие в Россию, точно так же кривят губы при посещении российской глубинки в 100–200 километрах от столицы. И восхищаются красотой, которую навели в центре Москвы иностранные банки и местные олигархи вроде Фридмана или Усманова. Может быть, кому-то из залётных зарубежных гостей приходит в голову шальная мысль: а вот отдать бы всю российскую землю Фридману или Credit Suisse, то-то порядок они бы навели...

В этом номере “Наш современник” публикует несколько глав из моей книги “Сосна и олива”, которые призваны помочь русскому читателю понять, что произошло в Палестине, почему коренное население было вытеснено на окраину, а его лучшие многовековые достижения были отобраны и присвоены другими. Почему в еврейских районах зелено, а в палестинских – голо. Евреи отобрали у палестинцев лучшие земли, присвоили себе воду, запустили плавательные бассейны, полили газоны вокруг домов. Палестинцы вынуждены покупать канистру воды на неделю, чтобы умыться и выпить чаю.

В “Сосне и оливе” рассказывается о преступлении 1948 года, о захвате Палестины. Когда писалась эта книга – в 1986 году, – она была никому не нужна. С тех пор она оказалась востребованной. Её переиздают, и по-русски, и по-французски. Она объясняет и то, что сейчас происходит – ведь несправедливость не может оставаться в прошлом. Требовались новые и новые преступления, чтобы затушевать старые. Загнанные в железную мышеловку сектора Газа палестинские беженцы оставались постоянным укором. И сионисты приняли их морить и бомбить. Чтобы никто не поддержал их, Израиль и Америка, оседланная еврейским лобби, развязали войну против Ирака и уничтожили эту страну. Сейчас они собираются разрушить Иран, причём задействовано уже и сионистское лобби в России. Так одно преступление порождает цепочку новых преступлений.

ИСТОЧНИК ЗЛА

Расстанемся с живыми деревнями Нагорья, расстанемся с оливковыми рощами, в которых крестьяне собирают осенью нежно-зелёные плоды, расстанемся с родниками, из которых крестьянки черпают воду и пастухи поят овец. Пересечём невидимую линию – “зелёную черту” – и окажемся у западного въезда в Иерусалим, где крутой спуск ведёт в широкое вади, Долину Кедров. Окрестности Иерусалима – одно из самых красивых мест во всём Нагорье, а эта долина особенно хороша. В двух шагах от шоссе – просторная пещера, у входа в неё растёт тенистое дерево. Сядем под дерево и глянем вниз. Мы увидим очаровательную деревушку Лифта. Её дома гнездятся на крутом склоне вади. В складке горы бьёт полноводный источник, называвшийся в библейские времена Мей Нефтоах; вода его, выходя из красивого сабила, падает в просторный водоём. Внизу за водоёмом начинаются поля и сады Лифты. Здесь растут огромные смоковницы, оливы, яблони. Узкие тропинки ведут от дома к дому. Дома Лифты – не роскошные, но просторные, вместительные, сложенные из крепкого иерусалимского камня, некоторые – с балконами, с которых открывается прекрасный вид на долину, где меж курстарников бьют родники и растут гранаты.

Теперь подойдём поближе и увидим, что деревня пуста. Крыши домов проломлены, многие двери заколочены и схвачены пудовыми замками. Бассейн у источника захламлен, и чистой живой воды гор не идёт к террасам. Смоковницы не обобраны, оливы не окопаны. Не видно и крестьян, никто не угостит нас чаем с мятой. Только несколько русских бездомных забивают косяк, да “досы” (религиозные евреи) из города плещутся в водосборнике.

Лифта обезлюдела в 1948 году. Мы оказались на землях широкого клина, вбитого в Нагорье еврейскими армиями в 1948 году, во время арабско-еврейской войны за раздел Палестины. На полях Лифты мелькают белые платы палестинцев, убирающих помидоры, но они убирают не свои помидоры и после работы возвращаются не в Лифту. Это наемные рабочие. Земли Лифты были переданы еврейским поселкам Кесалон, Гиват Яарим и другим, те наняли безземельных палестинцев работать на земле, которая ещё недавно кормила их.

В одном из домов получше открыт ресторан – этот дом захватил отставной армеец, человек с влиянием. Но это исключение, не правило. Когда в 1970-х годах жители иерусалимских трущоб, восточные евреи, попробовали поселиться в Лифте, их живо выставила полиция. Чтобы другим было неповадно, израильские власти потратили немало средств – они аккуратно проломали крыши домов, взорвали некоторые динамитом, выкорчевали деревья бульдозерами, обнесли дома колючей проволокой.

Перед нами – лицо *Накбы*, страшной катастрофы, постигшей Палестину в 1948 году, катастрофы, сравнимой с нашествием Батая и Чингисхана, но ещё более тяжелой по своим последствиям. Уцелевшие славяне смогли отстроить выжженные сёла и города, но палестинцы и по сей день видят родные руины и не могут подойти к ним. Лифта – одна из 450 палестинских деревень, уничтоженных сионистскими армиями в 1948 году. Половину Палестины постигла участь Атлантиды. В долгой и пёстрой истории страны чёрное пятно Накбы бросает зловещую тень на её настоящее и будущее. Мы ничего не поймём, пока не узнаем, что произошло в Лифте и её сестрах по несчастью.

Когда турист едет на автобусе из Тель-Авива в Иерусалим, он обращает внимание на ржавые БТРы на обочине. Если гид не поторопится, то самый опытный турист, или старожил – уже три года в Израиле, – рванёт к микрофону и расскажет спутникам, что это – зримые следы битвы за дорогу, когда евреи сражались с армиями семи (или девяти) арабских государств, чтобы сорвать блокаду и пробиться в осажденный арабами Иерусалим. Этот простой и внятный рассказ – первое, что заучивают молодые гиды.

Пока у нас не выхватили микрофон, спросим: знаете ли вы, в чём разница между театральными декорациями и киношными “пропсами”? В театральных декорациях нет подробностей, на них смотрят издали, а в кинематографе каждый предмет, “пропс” на языке кино, должен быть настоящим. Рассказ о прорыве блокады – театральный, а не киношный. Он рассчитан на туриста, который без задержек едет мимо БТРов к Стене Плача и в Музей катастрофы “Яд ва-Шем”.

Но мы-то с вами не торопимся. Вглядимся в подробности. Сражение за дорогу закончилось ещё до 15 мая, до ухода англичан. До той поры палестинские крестьяне в одиночку противостояли армии сионистов. Для того чтобы говорить о блокаде, надо сперва сказать, где была граница. “Где-то в Иерусалиме”, – неуверенно отвечают знатоки. Но нет, граница, установленная ООН между евреями и палестинцами, осталась далеко позади, между Тель-Авивом и Лиддой (Лодом). Между границей будущего еврейского государства и Иерусалимом было сорок километров, и повсюду стояли палестинские села и города. Но сионисты хотели завоевать Иерусалим, граница их не остановила, а по пути они уничтожили эти сёла. Так возник широкий клин Иерусалимского коридора, где и стоит осиротевшая Лифта.

Было бы у сионистов побольше сил – они могли бы “снять блокаду” и с Дамаска, и с Москвы – ведь евреи есть повсюду, а не-евреев сионисты в счёт не берут. Впрочем, и религиозных евреев Иерусалима никто не спрашивал, хотя бы они оказались под властью сионистов, а спросили бы – получили бы отрицательный ответ: и поныне в день независимости Израиля местные религиозные евреи вывешивают чёрные флаги в знак скорби. Их никто не спросил, их просто “освободили”, как Германия смогла бы “освободить” немецких колонистов Крыма и Украины, а по дороге уничтожить украинские сёла.

Израильский националистический военный историк Ури Мильштейн доказал, что евреи Иерусалима не знали блокады, не знали лишений в те месяцы. По его мнению, “блокада” Иерусалима – один из мифов войны 1948 года, которая началась 29 ноября 1947 г., когда ООН принял решение о разделе Палестины. Эта маленькая страна, в которой жили 1 365 000 палестинцев и вдвое меньше (608 000) евреев, была разделена в соотношении 55:45 в пользу евреев. По резолюции ООН, Иерусалим и его окрестности должен был стать международным открытым городом под эгидой мирового сообщества; Центральное Побережье, Долины, Верхняя Галилея и Негев отходили к еврейскому государству, Нагорье, Западная Галилея, Финикийское и Филистинское побережья – к палестинскому государству.

Резолюция о разделе была создана, видимо, гениальным сионистом-счетоводом – специалистом по уклонению от подоходного налога самой высшей квалификации. С таким счетоводом и Березовский получал бы пособие для неимущих. Возьмите ножницы, карту, счеты, вырезайте как угодно, – вам не удастся её улучшить при условии сохранения видимости еврейского большинства. По решению ООН, в еврейском государстве было палестинское большинство (498 тыс. евреев и 510 тыс. палестинцев). Чтобы это не было заметно, просионистские авторы резолюции “не учли” 127 тыс. бедуинов, и получились цифры получше: 498 тыс. евреев и 407 тыс. палестинцев. Яффу с её сотысячным палестинским населением сделали анклавом. Почти все территории, на которых жили евреи, входили в еврейское государство (за исключением Иерусалима и нескольких оторванных и изолированных поселений).

Палестинцы были против раздела страны, против еврейского сепаратизма, но не против евреев-пришельцев. Они считали, что Палестина одна, единая страна, и что делить её не следует. Они сравнивали себя с подлинной матерью из легенды о суде Соломона, с той, что не соглашалась на раздел своего детища. Они не верили в оправданность раздела. Через десятки лет, после 1967 года, и израильтяне пришли к сходной позиции. Но вот небольшая разница: если палестинцы предлагали евреям равноправие в общем государстве, евреи создали государство апартеида, в котором у палестинцев нет прав, кроме права работать на еврея и покупать привезенные евреем товары.

Резолюция о разделе была несправедливой к палестинцам, щедрой к евреям. Сравним Хайфу и Иерусалим. В Хайфе жили сто тысяч палестинцев и сто тысяч евреев, рядом были еврейские земли – ООН отдала Хайфу евреям. В Иерусалиме жило сто тысяч евреев (в основном религиозных антисионистов) и сто тысяч палестинцев (в границах ООН), город окружали палестинские сёла, – ООН решила сделать Иерусалим международным городом.

План ООН был создан сионистами как “лучший из возможных”, как оптимальный запасной вариант. Но они хотели большего. План был “лучшим из возможных” только при минимальном соблюдении прав человека, а соблюдать права палестинцев сионисты не собирались. Поэтому они приступили к выполнению плана “Д”. План “Д” предусматривал массовое изгнание палестинцев и разрушение сел. Границы раздела ООН при этом вообще не учиты-

вались. Обещания еврейских представителей в ООН – уважать права коренного населения – оказались дымовой завесой.

Бои за иерусалимскую дорогу происходили в начале апреля 1948 года. На самом въезде в Иерусалим, напротив Лифты, туристов встречает огромный знак “Сады Сахарова”. Он был установлен в годы перестройки, когда академик Сахаров и близкие ему круги ликвидировали Советский Союз и поощряли эмиграцию в Израиль. Ирония судьбы – аллея Сады Сахарова ведёт на кладбище, в психушку и в Дейр-Яссин.

У смерти много имён. Для одних она звалась – Энгельхен, для других – Хатынь. Для палестинцев – Дейр-Яссин. В ночь с 9-го на 10 апреля 1948 года отряды сионистских боевиков “Эцель” и “Лехи” напали на это мирное палестинское село и вырезали его безоружных жителей. 245 палестинцев – мужчин, женщин и детей – были убиты в Дейр-Яссине. Командиры бандформирований “Эцель” и “Лехи” Менахем Бегин и Ицхак Шамир стали со временем премьер-министрами Израиля.

Я помню, с каким недоверием я читал в Советском Союзе рассказы о Дейр-Яссине: “Советская пропаганда”, – думал я и отметал описания резни, как вымысел. Понадобилось много лет, много книг, много документов, чтобы я понял: нет, Дейр-Яссин не был выдуман Политбюро или Арафатом.

Подробные описания резни в Дейр-Яссине можно найти в нескольких вышедших в Израиле и за рубежом книгах, в частности, в написанной с большой симпатией к Израилю, но довольно объективной книге Доминика Лапьера и Ларри Коллинза “О, Иерусалим”. Авторы цитируют командира главной еврейской военной группировки “Хагана” Давида Шалтиэля, который назвал Дейр-Яссин “мирным и дружелюбным (по отношению к евреям) селом”. Дружелюбие им не помогло. После короткого боя боевики захватили село и собрали жителей. Коллинз и Лапьер пишут:

“Молодожёны, вместе с 33 соседями, были среди первых жертв. Их выстроили у стенки и расстреляли... 12-летняя Фахими Зейдан, одна из выживших, рассказала: “Евреи поставили всю нашу семью к стенке и стали нас расстреливать. Я была ранена в бок, но большинство нас, детей, спаслись, потому что мы прятались за спинами родителей. Пули попали моей четырёхлетней сестре Капри в голову, моей восьмилетней сестре Сами в щеку, моему брату Мохаммеду, семи лет, – в грудь. Но все остальные были убиты”. Халим Эл заявила, что видела, как “человек загнал пулю в шею моей сестре Сальхией, которая была на девятом месяце. Затем он распорол ей живот ножом... Нападавшие убивали, грабили, насильовали. Они рвали уши, чтобы легче было снять серьги”.

Первым на место резни прибыл представитель Международного Красного Креста, швейцарец Жак де Ренье. Он писал в своём дневнике: “Я увидел людей, врывавшихся в дома, выскакивавших из домов, они были с ружьями, автоматами, длинными арабскими ятаганами. Они казались полоумными. Я видел красивую девушку с окровавленным кинжалом в руках. Я слышал крики. “Мы поджигаем очаги сопротивления”, – сказал мне мой приятель, немецкий еврей. Я вспомнил эсэсовцев в Афинах. К своему ужасу, я увидел молодую женщину, всадившую нож в старика и старуху, прижавшихся к порогу своей хижины... Повсюду лежали трупы. Они “подчищали” ружьями и гранатами, а завершили работу ножами, это было видно всем... Я нашёл труп женщины на восьмом месяце беременности, убитой выстрелом в живот – в упор”.

Срочно вызванный заместитель командира “Хаганы” Ешурун Шиф писал: “Террористы из “Эцель” и “Лехи” предпочли убить всё живое”. Он видел, как тела жертв были отнесены в каменоломню, облиты бензином и подожжены. Элиягу Ариэли, прибывший в Дейр-Яссин с отрядом “Гадны”, еврейских пионеров, сообщил: “Убитые, за немногими исключениями, – старики, женщины и дети... никто не погиб с оружием в руках”. Британская полиция – до ухода англичан оставалось ещё больше месяца – провела расследование резни и установила: “Нет сомнения, что нападавшие евреи совершали зверства сексуального характера... школьницы были изнасилованы, а затем зарезаны... младенцы убиты... мочки ушей у женщин порваны – чтобы сорвать серьги”.

Боевики добились всех, а в Дейр-Яссине жило более 700 человек, но прибежали жители ближнего еврейского поселения Кфар-Шаул и остановили резню. Ещё несколько десятков пленных боевики посадили на грузовик, провезли с триумфом по еврейским кварталам и расстреляли.

Не ищите этих цитат в русском “сокращённом переводе” книги “О, Иерусалим” издательства “Алия”. Это издательство курируется спецслужбой “Натив”, а в те годы во главе “Натива” стоял д-р Лапидот, участник резни в Дейр-Яссине. Его назначил бывший командир по “Эцель”, Менахем Бегин, доживавший свои дни в квартире с видом на Дейр-Яссин.

Бегин гордился “штурмом Дейр-Яссина” и его результатами: он помог “очистить страну от арабов”. “Поздравляю с замечательной победой, – писал он боевикам, – вы – творцы истории Израиля”. Официальное еврейское руководство поначалу заявило, что резня – дело рук самих арабов. Но присутствие международных наблюдателей и английских властей заставило сионистов избрать другую стратегию.

Давид Бен Гурион извинился перед эмиром Трансиордании Абдаллой: “Эту кровавую бойню, порочащую имя каждого честного еврея, учинили гнусные раскольники и террористы”, – отчеканил он. Его ответом и по сей день гордятся сионисты-гуманисты, особенно за рубежом.

– Это ужасная, страшная история, – сказал мне один еврей-гуманист, когда я показал ему руины Дейр-Яссина. – Но террористов осудил Бен Гурион, и они были наказаны.

– Да, – ответил я, – они понесли заслуженное наказание и заняли высшие государственные посты.

Бен Гурион не рассказал, что “раскольники и террористы” действовали в полном согласии с общим еврейским военным руководством. Захват Дейр-Яссина был согласован с “Хаганой”; бежавшие с места бойни крестьяне были встречены пулемётами “Хаганы” между Дейр-Яссином и Эн-Каримом. Ури Мильштейн утверждает, что большинство жертв Дейр-Яссина погибли именно от рук солдат Бен Гуриона, и подчёркивает, что “официальные” сионистские военные группировки также убивали мирных жителей и что резня в Дейр-Яссине не была ни первой, ни последней.

За два месяца до Дейр-Яссина, 14 февраля 1948 года боевики социалистического “Пальмаха” напали на деревню Саса в Верхней Галилее и подорвали шестьдесят домов с мирными жителями. На юге Нагорья, в селе Даумие, 28 октября 1948 года десятки крестьян были убиты, а их тела брошены в водосборник. Расследовавшей эту, замаятую в своё время историю израильской журналистке Юле Хар Шефи удалось обнаружить в яме скелеты убитых, в том числе и детские скелеты¹. Крестьян Даумие убили солдаты 89-го батальона под командованием одноглазого Моше Даяна, любимца русского еврейства, и Ицхака Садэ, то есть не “раскольниками и террористами”, но основной, “правительственной” сионистской военной группировкой. Власти скрыли резню, село стерли с лица земли динамитом и бульдозерами, и на его месте построили еврейский посёлок Амация. Абба Эвен, многолетний министр иностранных дел Израиля, с трибуны ООН отрицал сам факт существования такого села.

Массовая резня мирных жителей производилась и в сёлах Илбун, Сафсаф, Джиш и других. “Евреи совершали нацистские зверства, это не даёт мне спать спокойно. Надо это скрыть от внешнего мира, но расследовать”, – заявил министр Аарон Зицлинг на заседании правительства 27 июня 1948 года. Расследование было произведено (генпрокурором Яковом Шимшоном Шапира) и скрыто по сей день².

Не так давно³ газета “Маарив” опубликовала исследование Теодора Каца, члена кибуца Магал, о резне в селе Тантура. 22 мая 1948 года дивизия “Александрони” вошла в село. Крестьяне разбежались по домам и сидели запершись. Солдаты прошли по домам, кое-где убили жителей прямо на месте, а прочих мужчин собрали на кладбище Тантуры и заставили рыть себе могилы. Потом они были расстреляны группами по десять человек. Хорошеньких девушек оттаскивали в кусты; родных, пытавшихся заступиться, пристреливали на месте. С женщин сорвали украшения и отпустили в село Фурейдис, где многие из них живут и поныне.

Село Тантура находилось на берегу моря, напротив еврейского городка Зихрон Яков. Оно славилось своими арбузами; жители рыбачили, работали на фабрике по производству бутылок для винодельни Зихрона. Фабрика уце-

¹ “Хадашот”, 24.08.84.

² Кот. Раш. 24.09.86.

³ 21.01.2000.

лела и по сей день, возле неё гиды рассказывают туристам – нет, не об уничтоженном селе, но о бароне Ротшильде и еврейских виноделах Зихрона. Впрочем, помянем их добрым словом – именно жители Зихрона оставили резню в Тантуре (и соседнем Фурейдисе), и поэтому многие жители спаслись.

Резня происходила и во взятых евреями городах. 11 июля 1948 года бригада “Ифтах” вошла в Лидду (Лод), многотысячный город с крепким христианским и мусульманским населением. Часть жителей бежала, оставалось около 30 тысяч человек. Евреи обрушились на город и убили 250 человек, при этом потеряв двух бойцов. Это называется “битва за Лод”, или “подавление мятежа в Лоде”. После этого уцелевшие были изгнаны по дороге на Рамаллу. Изгнал жителей будущий премьер-министр Ицхак Рабин.

Не единственный, не первый, и не последний, Дейр-Яссин стал символом Накбы – страшной катастрофы палестинского народа. Не прошло и года после резни и извинений, как в пустующие дома стали заселять новых иммигрантов. Мартин Бубер, образцовый сионист-гуманист своего времени, автор “Хасидских рассказов”, написал в открытом письме Бен Гуриону: “Вырезаны сотни невинных людей, детей, женщин. Это черное пятно на совести еврейского народа. Не трогайте эти дома и земли”. Бен Гурион не ответил. Среди гостей на новоселье в Дейр-Яссине были министры, главные раввины, мэры Иерусалима, играл школьный оркестр.

Над Дейр-Яссином памятника нет, как мог бы сказать Евтушенко, но, думаю, не видать ему тогда поездок по Англиям и Америкам и всемирной славы. Не равны живые перед смертью, не равны и мертвые. Увидеть остатки Дейр-Яссина нетрудно – поезжайте мимо Садов Сахарова, мимо кладбища, и вы увидите обширную территорию, окруженную забором. Это – психиатрическая лечебница открытого типа “Кфар Шаул”, она же Дейр-Яссин. На территории сохранились дома крестьян. Время от времени уцелевшие жители и их потомки приходят почтить память погибших, они мечтают поставить памятник жертвам, вернуться в родные дома.

Можно увидеть Дейр-Яссин и проще. Когда вы посетите мемориальный музей Холокоста “Яд Ва Шем” и пройдёте по темным коридорам детского павильона, выйдя на свет Божий, подымите глаза: холм в отдалении напротив вас – это Дейр-Яссин. Но задушевные голоса не прочтут вам в темноте имена погибших детей Дейр-Яссина, международные комиссии не потребуют компенсаций для уцелевших, их собственность не будет возвращена владельцам.

У Лифты и Дейр-Яссина было 450 сестёр. Мы сталкиваемся с ними повсюду, и в первую очередь в Иерусалимском коридоре. Нет ничего краше и грустнее, чем руины палестинских сел. Они все построены в чудесных местах, и разрушение придаёт им особенную, нездешнюю красоту.

Вот грустная и прекрасная руина, маленькое горное село Сатаф. Оно находится на крутом склоне глубокого вади Сорек. Оранжевый указатель на Сатаф стоит на развилке Цова–Кастель–Эн Карем, а оттуда новая хорошая дорога спускается серпантинно прямо до руин села. Оно хорошо сохранилось, как будто на него сбросили нейтронную бомбу – всё в целости, только людей нет.

Сатаф стал национальным парком: на террасах растёт виноград, как до 1948 года, канавки, несущие воду, отремонтированы, источник не захламлён. Набитого соломой чучела палестинца у источника ещё не поставили.

Дома Сатафа полуразрушены, но некоторые ещё держатся. После изгнания палестинцев Еврейское агентство попыталось поселить в Сатафе еврейских иммигрантов из стран Востока, но те не задержались и убежали в *маабарот* – так назывались лагеря для приема иммигрантов, предки караванных городков 90-х годов. Поэтому деревню передали армии и превратили в зону учений 101-й части, карателей Кибие. Их командиром был Ариэль Шарон.

Другая разрушенная деревня находится у самой железной дороги, турецкого полотна, соединившего Яффу и Иерусалим и предвосхитившего хиджзскую трассу на Медину. Это Дейр эш-Шейх, маленькое село, в центре которого – руины древнего монастыря, превратившиеся со временем в вали и центр паломничества для крестьян окрестности. Сейчас вали заброшен и его стены исписаны граффити израильских школьников. Но вокруг по-прежнему растут оливы, посаженные жителями до 1948 года.

От Дейр эш-Шейха вверх идёт вади, полное следов погибшей жизни – здесь источники Эн-Кталаб крутили жернова мельниц до 1948 года. У источни-

ков растёт красный кталаб, не такой большой, как у Эн-Киньи. Ещё выше – старинное строение у источников Эн-Гиора. Это красивое, посещаемое место, где хорошо сохранились следы палестинской ирригации, с водосборниками, каналами, тоннелем источника, вертикальной шахтой и прочими знакомыми элементами. Убраны только люди, создавшие и поддерживавшие это место.

На краю Иерусалима, где раньше стояло село эль-Джура, внизу, в глубоком вади, бьют три родника, из которых самый красивый – верхний, а самый большой – нижний, Эн-эль-Балад, “сельский источник” Валаджи. Жители Валаджи “бежали” только на несколько сот метров, на другую сторону железной дороги – “зелёной черты” и построили деревню заново. Им не дают пасти скот возле родников своего села, место осталось пустынным и разоренным. Возле верхнего из трёх родников посёлок Ора посадил плодовые деревья. Ухаживают за деревьями те же жители Валаджи, но не как хозяйева, а как наёмные рабочие новых хозяев.

(В 2000 году мэр Иерусалима Эхуд Олмерт послал в Валаджу армию с бульдозерами и разрушил несколько домов. Причина – “незаконное строительство”. Это мне напомнило замечание капитана Врунгеля – как закинут исландцы сети – идёт им исландская селедка, а голландцы – как ни стараются, всё им попадается голландская селедка. Так и у нас. Евреи построят дом – сразу видно, что он незаконный. А у палестинцев – где бы они ни построили дом, он всегда незаконный, и всегда над ним нависает дамоклов резак израильского бульдозера.)

В долине Эла, где пасутся быки кибуца Нетив-35, было большое и древнее село Бет Натиф, изображенное ещё на карте Мадабы и уцелевшее при кампании Веспасиана. Руины ждут крестьян по сей день. Сохранились колодцы, священная роща с огромными соснами, совсем не похожими на чахлые посадки Керен Каемет.

Весной сплошные ковры цветов покрывают террасы, где стояли дома села Акор. И так – повсюду в Иерусалимском коридоре; на месте любого еврейского поселения стояли палестинские села, причем они кормили куда больше людей, чем сегодня. В одном Бет Атабе было больше людей, чем во всех нынешних еврейских поселениях в районе. Тут, в любом из этих мест, можно увидеть подлинную трагедию Палестины, трагедию необработанной земли, трагедию изгнанных крестьян.

Но и завоевателям не было суждено спокойно наслаждаться плодами своего грабежа. Из разрушенных домов Лифты вышло “еврейское подполье” – группа, занимавшаяся взрывами в мечетях и церквах в начале 1980-х. В сотнях посёлков и городков, вроде Маоз Цион, построенных на месте разрушенных арабских сёл, вроде Кастеля, вырос новый этнос, готовый отнять Страну Израиля у победителей 1948 года – израильский восточно-еврейский народ. Шизофрения оказалась заразительной.

БОЛЬШОЙ ДЕЛЁЖ

Подлинная трагедия палестинцев – не оккупация 1967 года, но изгнание 1948 г. Превращение Рамаллы в столицу мини-Палестины и воцарение Арафата не помогут крестьянам Сатафа, Кастеля, Лифты. Для палестинцев право вернуться в родные сёла куда важнее, чем независимость. Но израильтяне предпочитают говорить о будущем территорий, оккупированных в 1967 году, а не о сотнях разоренных сел и их бездомных жителях. От левого “Мереца” до правого “Ликуда” израильтяне едины и не готовы к уступкам в этом вопросе. Все войны Израиля происходили из-за нежелания вернуть беженцев. Сколько бы ни договаривались израильские и палестинские руководители, не миновать будущих войн, пока эта проблема не будет решена. Что же стало с жителями этих сёл и сотнями тысяч других палестинцев, изгнанных из Рамле, Лода, Яффо, Хайфы и других городов?

Этническая чистка 1948 года прокатилась по всей стране. Палестинские крестьяне бежали перед еврейскими армиями в безопасные районы, ожидая конца боев. Там, где жители не бежали, наступавшие войска проводили массовые изгнания и зачастую пристреливали тех, кто не хотел уходить.

750 тысяч человек оказались в лагерях беженцев: в Газе, в горах, в Заирданье, в Ливане и Сирии. Увидеть лагеря несложно. Когда вы подъезжаете к Иерихону с юга, видны ряды мазанок – это остатки лагеря беженцев. Они

тянутся вверх до гор, где из ущелья вытекает поток Кельт, продолжают и к северу от Иерихона, где они тянутся густой чередой вдоль дороги на Джифтлик. Если это не ад, то, по крайней мере, его хорошая имитация. Представьте себе, что это вас вышвырнули из дома у источника Лифты и Сатафа, что вам пришлось жить в этой мазанке, делить одну комнату с десятью братьями, что вы можете увидеть в бинокль проломленные крыши своего дома по ту сторону “зелёной черты” – и вы поймёте, откуда взялось палестинское сопротивление, палестинский терроризм.

Впрочем, поймет ли меня читатель-еврей, неясно. Я заметил, что евреи не понимают вообще, что тут такого удивительного и необычного. Непонимание это основано на личном опыте и национальном характере. Трудно найти еврея, который не испытал бы переезда или потери имущества лично, или, по крайней мере, не слышал бы об этом от отца или деда. Поэтому евреи довольно спокойно относятся к изгнанию 1948 года, ставя себя на место беженцев и думая: “Что бы я сделал на их месте? Отобрали землю и дом? Прогнали? Займемся чем-нибудь другим, пошлем детей в университет, откроем магазин, сменим специальность и т. д.” Существование людей, прикипевших к земле, непонятно еврею. Наша, еврейская, любовь к Стране Израиля довольно абстрактна, наш патриотизм – достаточно новый и общий. Практически любой израильтянин менял место жительства или может изменить его без особого труда. Наши киббуцы, мошавы, города вполне взаимозаменяемы. Короче, уже тысячи лет, как евреи привыкли жить с мыслью о возможном перемещении, и это у нас в крови.

Палестинцы в этом смысле – антиподы израильтян. У палестинцев до недавнего времени не было даже национализма, этого дитяты современности. Как человек коммунистического будущего, фелла из Лифты или Ясифа считал себя в первую очередь патриотом своей семьи, а во вторую и последнюю – патриотом своей Лифты или Ясифа, своего села. Переезд из Лифты в Ясиф был бы почти невозможным для нашего феллаха. Идея войны за Нагорье, а не только за свое село, ему неясна. Крестьяне Нагорья живут в своих сёлах испокон веков, в подлинном смысле этого слова – многие из этих семей, возможно, поселились на своих местах пять тысяч лет назад и с тех пор жили у того же родника. Поэтому травма их изгнания была уникальной и не понятной для горожан. Поэтому, хотя прошло много лет, беженцы ощущают себя беженцами и по сей день.

На краю Вифлеема, вдоль хевронской дороги, к югу от города, высится красивый холм, на вершине – роща. Это Эр-Рас, место малой святыни. На вершине дует ветер, стоят остатки водосборника. Сюда приходят играть дети из лагеря беженцев Дехейше, который находится к югу от холма, на равнине. Я спросил их, откуда они родом. Они назвали деревни, руины которых я посещал: Лифта, Дейр эш-Шейх, Бет Итаб. Они помнят, они иногда ездят туда с родителями посмотреть на разваливающиеся дома и на неокопанные оливковые деревья. Оттуда они возвращаются в свой лагерь. В годы прямого израильского правления его окружили забором – вольером с колючей проволокой поверху. Узкие кривые улицы проползают между его нищими домами. Беженцы живут по десять человек в комнате, по воду они ходят к водокачке на углу.

На дороге из Натании в Себастию, сразу за “зеленой чертой”, находится лагерь Нур Шамс, в Наблусе – непокорный Тель Балата, между Иерусалимом и Вифлеемом – Аида, за Рамаллой – Джалазун. Хотя положение беженцев в лагерях Нагорья ужасно, ещё хуже обстоит дело в Газе, куда были согнаны, как в резервацию, сотни тысяч крестьян и горожан из Яффы, Рамле, Лидды, из сотен деревень, ставших потом стройплощадками для киббуцов и мошавов с их самодовольными сторонниками мира за чужой счет. Проезжая мимо пустоши с колючками кактуса “сабра”, путник иногда задумывается – как много свободного, пустого места в Святой Земле. Газы – это обратная сторона медали. Там находятся бывшие обитатели пустошей с колючками “сабр”.

Газы – израильский ГУЛАГ. Бен Гурион и его МАПАЙ создали его, по нехватке места, за границей, к востоку от “зелёной черты”. В 1948 году в Газе жило 20 000 человек. За год население удесятилось. Сектор Газы стал одним из фокусов человеческого несчастья. После 1967 года, когда беженцы снова оказались под тем же правлением, что и бывшие их земли и сёла, в Газе вспыхнуло движение Сопrotивления. Израильтяне, наивно полагавшие, что изгнание 1948 года – древняя история, приезжали туда за покупками и на-

ходили свою смерть – без вины виноватые. Лагеря беженцев в Газе были так же автономны, как в Ливане. Затем израильские власти провели ряд крутых мер – снесли часть домов, проложили дороги для патрулей, разрешили беженцам строиться в пределах сектора Газы. Наконец, генерал Шарон замирил Газу, сопротивление было сломлено, надежды беженцев на возврат в родные сёла были уничтожены или отложены в долгий ящик. Надо было жить дальше. И они стали жить дальше. До начала интифады Газы поставляла ежедневно тысячи рабочих рук в Тель-Авив, Яффу, Реховот, в еврейские сёла – повсюду, где нужны люди, готовые работать на тяжелой работе и получать треть зарплаты еврейского рабочего.

“Эксплуатация рабочего в капиталистическом обществе ужасна. Ужаснее её только – когда тебя не хотят эксплуатировать”, – говорит старая шутка. (Этот второй этап начался в 1992 году, когда правительство Рабина приняло стратегическое решение – исключить палестинцев из народного хозяйства, держать их за колючей проволокой резерваций вплоть до полной покорности, а вместо них импортировать тысячи китайцев, тайландцев, румын, украинцев и русских. Та легкость, с которой многим этническим русским удается приехать в Израиль, не должна их обманывать – израильтяне решили смотреть сквозь пальцы на их происхождение, чтобы их руками вытеснить палестинцев.)

Как пошли на это израильтяне? В основе еврейского взгляда на мир лежит глубокое сомнение в полном равенстве еврея и не-еврея. Хороший еврей хорошо относится к животным и гоям, но есть граница хорошего отношения. Как бы крестьянин ни любил барашка или поросенка, он его спокойно зарежет к праздничному столу. Нас не мучат угрызения совести, если мы сталкиваем кошку с насиженного места на диване. Так и евреи спокойно относятся к изгнанию палестинцев в 1948 году, потому что место понадобилось евреям, а значит, палестинцам следует освободить место и уйти.

Есть ещё одна причина, почему израильтяне не понимают трагедии беженцев. Отличительная черта израильского национального характера – вера в собственную правоту. Старое самоназвание Израиля, “адат цадиким”, “община праведников”, воспринимается многими израильтянами как серьёзное определение. В этом, видимо, прав Фрейд – лишённые мифа отцеубийства и богоубийства евреи лишены чувства вины. Типичный анекдот раскрывает это свойство. Что скажет англичанин, наступив другому на ногу? “Извините”. А русский? Пройдёт и сделает вид, что не заметил. Израильтянин же закричит: “Что ты ноги подставляешь?”

В блистательном романе Аниты Лоос, “Джентльмены предпочитают блондинок”, описывается встреча Блондинки и д-ра Фрейда: “Он был заинтригован девушкой, делавшей всё, что ей хочется. Он спросил меня, неужто я никогда не хотела что-нибудь, чего я всё-таки не сделала, например, застрелить кого-нибудь. Я сказала, что застрелила, только пуля прошла сквозь лёгкое м-ра Дженкинса и вышла наружу. Д-р Фрейд уставился на меня и сказал, что он думал, что такого не бывает. Оказывается, я – редкий случай. Д-р Фрейд сказал, что мне нужно обзавестись несколькими сдерживающими факторами, чувством вины и выспаться”.

Как Блондинка Аниты Лоос, израильтяне лишены чувства вины и не знают сдерживающих факторов. Нет действия – от пиратства до убийства, – которое показалось бы неприемлемым большинству из моральных соображений, если оно идёт на пользу дела. Желаящий может объяснить это тяжелой историей еврейского народа. Большинство израильтян не испытывают угрызений совести при виде разоренных сёл и конфискованных полей, да и любых других следов своего беззакония.

Есть и более практическое основание – участие в большом дележе. После массового изгнания в руках евреев оказалось всё состояние палестинцев. На территории, занятой Израилем в 1949 году (21 000 кв. км вместо 14 000 кв. км по решению ООН), 90% всех земель принадлежали палестинцам. Остались несчётные дома, техника, скот. Люди бежали, оставив всё, иногда – не успев снять суп с огня. Израильские власти позарились на чужое добро. Начался грабёж. Израильский историк и журналист Том Сегев посвятил этой теме книгу “1949”. Он описывает, как бросились израильтяне на имущество своих соседей.

Первыми начали грабёж солдаты. “Только из одной Лидды армия вывезла 1800 грузовиков награбленного добра на продажу”, – сообщил Бехор Ши-

трет, член правительственной комиссии по безхозной собственности. Комиссия инвентаризовала попавшее им добро в Рамле и Лидде и насчитала 45 тысяч домов и квартир, 7 тысяч магазинов и мастерских, тысячу складов. Земли с посадками простирались на 800 тысяч акров. Писатель Моше Смилански писал в “Гаарец”: “Всех охватило безудержное стремление к грабежу. Мужчины, женщины, дети нажились на трофеи. Они срывали и уносили двери, окна, черепицу с крыш, барахло”⁴. Созданный правительством Опекунский совет по присмотру за безхозным имуществом – “Апотропос” – стремился упорядочить грабеж, но не мог справиться. Ковры, мебель, украшения были разграблены ещё до того, как “Апотропос” сумел их прибрать к рукам.

Движимость, попавшая в руки Опекунского совета, распродалась или раздавалась среди приближенных к кормушке. В банках Хайфы осталось полтора миллиарда фунтов стерлингов, принадлежавших палестинцам. Их взяло себе правительство Израиля. В квартал Аджамы в Яффе, где стояли роскошные дворцы палестинской знати, приходили евреи и захватывали дома, превращая их в коммуналки. Присутствие хозяев их не останавливало – их “уплотняли” или выгоняли. Власти раздавали квартиры и дома попроще иммигрантам, а сливки оставляли себе.

Интеллектуалы из Еврейского университета, люди, близкие к власти, последовательные борцы за мир, захватили роскошные дворцы палестинской знати и прочные дома гоюских врачей, учёных, бизнесменов. Так возникло новое население в самых отборных палестинских кварталах Иерусалима: Тальбие, Греческая колония, Немецкая колония, Катамон. Не постыдился въехать в чужой захваченный дом и Мартин Бубер, “еврейская совесть”. В захваченном доме живет профессор Давид Флюссер, специалист по еврейско-христианской проблематике.

Один из самых красивых кварталов Западного Иерусалима – Тальбие. Он расположен между иерусалимским театром и улицей Жаботинского. Каждый дом в этом квартале – произведение искусства. Дом рядом с театром, с цветной керамикой наверху, назывался когда-то “вилла Гарун аль-Рашида”, по имени халифа из “1001 ночи”. Во времена мандата⁵ палестинские хозяева сдавали дом командующему английскими ВВС в Палестине, а в 1948 году его захватило израильское правительство и поселило там Голду Меир. У неё были после этого все основания утверждать, что “палестинцев не существует”.

Мы снимали один из таких домов на улице Узия в Катамоне. Это был прекрасный дом, с толстыми каменными стенами, поэтому летом там всегда было прохладно, а зимой, что греха таить, довольно холодно. Окна открывались в сад, и после Пасхи шесек врывался в окна моего кабинета. Шесек, этот желтоватый, нежно-округлый фрукт, напоминающий абрикос, с удивительно гладкими косточками внутри, не растёт в России, а в Средней Азии его называют “мушмулла”.

Росли у нас в саду и пальмы, но они не плодоносят на высоте Иерусалима. В сад спускалась широкая лестница, превращавшаяся в веранду; посреди каждого этажа был большой зал, от которого во все стороны разбегались комнаты. Потолки были высокие, окна – просторные, в нём был и воздух, и убежище от жары.

Судьба нашего дома была типичной – его построил знатный палестинец для своего сына. Когда в 1948 году “Хагана” атаковала Катамон, хозяин нашего дома был вынужден бежать под защиту крепостных стен Старого города, его дом был разграблен, конфискован властями и передан торговцу с рынка Махане Иегуда. Его унаследовали дочери торговца, поделили; одна из них сдала нам квартиру и уехала в Америку. (Хорошие американцы после смерти попадают в Париж, хорошие израильтяне – в Америку. Богатые израильтяне обычно имеют “второй дом” в Америке и там выращивают своих детей.)

Было это много лет назад, но г-жа Рихтер в Лос-Анджелесе, наверное, и по сей день получает свои тысячи долларов в год – квартплату из Иерусалима. Не знаю, в каком лагере беженцев живёт хозяин дома. Мы прожили там три счастливых года, а затем г-жа Рихтер выбросила нас и взяла другого

⁴ 9.01.49.

⁵ С 1918-го по 1948 год Палестина была передана под власть Великобритании как “подмандатная территория”.

жильца, который платил ей прямо в Америке. В Израиле практически нет законов, защищающих права жильца, хозяин квартиры может выкинуть его в любой момент, а суды всегда окажутся на стороне хозяина, руководствуясь классовым чутьём.

Мы жили и в сказочном дворце графа Таламаса в Яффе, в Аджами. Богатый палестинец, католик, Таламас получил графский титул от папы римского, и над входом в дом была укреплена графская корона. Полы чистого итальянского мрамора, шестиметровой высоты потолок, центральная зала в полтора-два квадратных метра, уютные и просторные спальни, гигантская веранда с видом на море – всё это стало “ничьим имуществом” в 1948 году.

Лучше всех поступила Далия Ландау, одна из праведниц поколения. Ей достался во время великого дележа дом в Рамле, который принадлежал семье аль-Хейри. Когда она узнала, в чьём доме она живёт, она предложила вернуть дом беженцам⁶. Израильские власти не позволили осуществиться этому благородному шагу – нельзя отдать дом палестинцу. История дома аль-Хейри – одна из самых необыкновенных, её рассказал Башир эль-Хейри в своей книжке “Письма лимонному дереву”. Лимон растёт во дворе дома аль-Хейри, и по этому лимону тосковал до самой смерти отец Башира, старый аль-Хейри. Религиозная еврейская женщина, Далия Ландау не только предложила вернуть дом изгнанным хозяевам, но, когда это сорвалось, предложила его купить или хотя бы платить за него квартирную плату Баширу. В последовавшем соревновании великодушия Башир отказался брать квартплату, а Ландау превратила конфискованный дом в детский сад для палестинских детей.

Тысячи палестинцев отделились на считанные километры от своих домов – они бежали в соседние деревни и города от наступавшей еврейской армии. Победители польстились на их земли и дома и изобрели дополнительную, оруэлловскую категорию “присутствующих отсутствующих”. Под эту рубрику подошли палестинцы, бежавшие во время боёв не “за границу”, но в соседнее село или городок – как, например, жители Сафурии, бежавшие в соседний Назарет. И они лишились своих домов и земель.

Так, жители села Эн-Худ на склонах Кармила бежали в поля от артобстрела и были признаны “отсутствующими”. Их земли были конфискованы и переданы религиозному кибуцу Нир Эцион, а их деревня стала “живописным посёлком художников” Эн Ход, где живут либеральные израильтяне, социалисты и борцы за права человека. Румынский еврей Марсель Янко создал музей дадаизма, многие поселенцы рисуют и торгуют картинами и домами.

Беженцы построили себе хижины на своей земле в трёх километрах от родного села и назвали свои выселки “новый Эн-Худ”. То, что строят палестинцы в Израиле, является априорно незаконным. “Новый Эн-Худ” – один из десятков “непризнанных” поселений. К ним можно проехать по грунтовой дороге, мимо роскошного Эн-Хода, мимо зелени Нир Эциона. На дороге нет указателей, деревни нет на картах, в домах нет электричества, воды и канализации. Недавно американский исследователь-этнограф Сюзан Слёмович⁷ опубликовала монографию о жизни двух деревень. Палестинцы хранят память родной деревни, часто приходят “постоять около своего дома”. Евреи, поселившиеся в захваченных палестинских домах под носом законных хозяев, не испытывают угрызений совести. Они бережно и с любовью относятся к палестинской материальной культуре, но никак не связывают её с живыми людьми, создателями этой культуры.

Израильские власти использовали и другой прием: поля и сады уцелевшего палестинского села провозглашались “закрытым военным районом”, крестьянам не разрешали их обрабатывать, а затем эти земли конфисковывали как необрабатываемые. Только в одном 1953 году, по израильским данным, с помощью этого приёма было конфисковано около одного миллиона дунамов земли, а в 1947 году по наши дни процент земель, принадлежавших палестинцам, упал с 90 % до 15 %.

За конфискованные земли израильские власти предлагали компенсацию примерно в сто раз ниже стоимости земли. Захваченные земли были переданы Земельному управлению и Национальному фонду, а те передают их в аренду – только евреям. (Израильские власти, стремившиеся “иудаизировать”

⁶ Гаарец, 30.05.97.

⁷ Susan Slyomovich. The object of memory. Univ. of Renssylvania, 2000.

долину Ара, призвали молодые пары селиться в новом еврейском поселении Кацир, построенном на конфискованной палестинской земле “только для евреев”. Палестинец, гражданин Израиля Каадан, обратился с просьбой о приеме, но ему отказали. Каадан подал в суд, там его дело застряло и по сей день. Другой палестинец, Фатхи Махамид, поступил умнее. Покупку за Фатхи совершил в 1995 году израильтянин, еврей и диссидент Ури Дэвис. Только когда дом был достроен, жители поняли, что их будущий сосед – палестинец. Поселенцы стали груды и отказались пустить законного собственника. Фатхи подал в суд, и Верховный Суд стал на его сторону. О победе израильского правосудия писали все газеты Запада, поздравляя нас с ликвидацией остатков расизма. Но, несмотря на победу в суде, Фатхи и по сей день не смог въехать в свой дом⁸.)

Чтобы стереть с лица земли память о законных хозяевах, израильские власти уничтожили сотни деревень бульдозерами и динамитом, а на их руинах построили новые еврейские поселки и города. Там, где не хватило евреев, были посажены быстро растущие сосны, и они скрыли чужие дома и могилы. Чужая культура не представляла ценности для пришельцев ещё с времен Кортеса. Дуайен израильских археологов Игаэль Ядин, раскопавший Масаду, требовал в 1949 году уничтожить средневековую Тивериаду, чтобы палестинцы не могли вернуться.

Одна из самых мрачных фигур той поры – Иосиф Вейц. Один из деятелей Еврейского Национального фонда (Керен Каемет), он подталкивал ленивое, по его мнению, израильское руководство к захвату и уничтожению деревень. “Я отмечал на своей карте земли арабских деревень, – писал он в своём дневнике, страшном документе эпохи, – я хочу поглотить всё”. Вид опустошенных деревень, вызвавший у меня сострадание, вызывал у него другую эмоцию – “стыдно, что они ещё не заселены евреями”.

Литература передаёт дух эпохи лучше, чем сотни документов. Самех Изгар, один из самых интересных израильских писателей, автор огромного романа “Дни Циклага” (израильский “Улисс”, по словам критики), провёл войну 1948 года на фронтах в рядах Палмаха, был членом парламента от правящей партии, жив и пишет и поныне. Его длинная повесть “Хирбет Хизе” – самое важное произведение о 1948 годе – представляет большой человеческий, а не только исторический и литературный интерес.

Солдаты Палмаха получают приказ: напасть на палестинское село Хирбет Хизе, по которому уже прокатилась война, собрать оставшееся население, погрузить на грузовики и вывезти за “зелёную черту”, взорвать каменные дома и сжечь хижины, арестовать молодёжь и подозрительные элементы. Они окружают село, устанавливают пулемёты. Один из солдат предлагает заминировать возможное направление бегства жителей:

– Они побегут туда, а там положим мины. Один арабуш подорвется, а десяток ляжет. Тут остальные побегут сюда, а тут мы их из пулемёта положим! А то развели вегетарианство. Только собрать их с холмов, мол. Завтра они вернуться, а мы их снова прогоним.

Солдаты открывают огонь из пулемётов по деревне. Крестьяне бегут, герои Палмаха строчат из пулемёта по убегающим мужчинам и женщинам, платья которых хорошо видны, с ликованием отмечают точное попадание. По дороге в село они встречают старого палестинца с верблюдом, на который навьючено всё его добро, жестоко издеваются над ним. Один солдат умоляет командира позволить ему пришить старика. В это время саперы начинают подрывать дома деревни, и над Хирбет Хизе раздаётся вопль женщин. Солдаты едут по деревне и собирают уцелевших – стариков, слепых, хромых, женщин с детьми. Их загоняют на грузовики и отправляют в изгнание, из которого нет возврата.

Рассказчика начинают одолевать угрызения совести – как, изгнанники-евреи изгнали крестьян, да и грузовики напоминают ему недавние ужасы войны. Но его успокаивает командир:

– В эту Хирбет Как-Её-Там приедут новые иммигранты, возьмут землю, обработают её. Будет прекрасно!

“И впрямь, как я не подумал! Здесь мы поселимся, примем иммигрантов, откроем школу, и магазин, и синагогу. Да здравствует еврейская Хирбет

⁸ Гаарец, 25.06.99.

Хизе! Никто и не подумает, что была другая Хирбет Хизе, что мы пришли, прогнали, отобрали, расстреляли, сожгли, взорвали, выбили и изгнали”.

Повесть была написана и опубликована в 1949 году, когда ещё дымились руины Хирбет Хизе. Несмотря на легкие угрызения совести, Изгар не кается. Он скорее гордится своей нежной совестью: так мы гордимся нежным нравом дочки, которая не может смотреть, как режут барашка.

Израильская мифология гласит: война с палестинцами, “с арабами”, вечна и неизбежна, ибо зиждется на желании палестинцев сбросить евреев в море. Израильские пропагандисты готовы обосновать это различием между “Дар эль-Ислам” и “Дар эль-Харб”, старинной мусульманской дихотомией мира ислама и мира неверных, подлежащего завоеванию. Они напоминают о священной войне, о изначально воинственном характере ислама, о жертвах гитлеровского геноцида и петлюровских погромах, об извечном еврейском страдании. Они любят сравнивать Арафата с Гитлером и напоминать о муках и кошмарах инквизиции. Но за всем этим стоит более реальное и ощутимое основание: захваченная собственность.

Это объединяет в мнимом союзе кибуцы, взявшие себе огромные земельные наделы целых многолюдных деревень, восточных евреев, заселивших дома жителей Рамле и Лода, богатых и влиятельных израильтян, с их дворцами в Тальбие и Герцлии Питуах. Даже самые либеральные – обычно богатые – израильтяне с ужасом отвергают идею возврата награбленного в 1948 году.

Для меня открытие подлинной причины израильско-арабских войн было подобно прозрению – как и другие иммигранты, я принимал на веру официальную точку зрения. Затем я вспомнил “абстрактную” пьесу Г. Яблонского, в которой идёт матч по боксу между боксером в белом и боксером в чёрном. Рефери объявляет, что в белом сражается Добро, а в черном – Зло. Публика одобряет криками каждый удар боксёра в белом, и тот явно побеждает, восклицая: “Добро должно быть с кулаками!”. Когда Белый посылает Чёрного в нокаут, рефери объявляет, что произошла небольшая ошибка: в белом боксирует Зло, а в черном – Добро. Но отсчет продолжается.

Что-то похожее произошло и на Ближнем Востоке – когда израильтяне не ограничились защитой своих прав, но захватили чужие земли и изгнали жителей, они оказались Боксером в Белом.

Превращение доброго принца в злого чародея не было неизбежно. Если бы израильтяне сдержали размах руки в 1948 году, ограничились военной победой и воздержались от изгнания коренного населения, они смогли бы сохранить правоту. Победители оказались худшими врагами самим себе: они погубили свою добродетель.

Вся последующая история Израиля вытекает из большого грабежа 1948 года. Чтобы не отдавать награбленное, победители создали вечный конфликт. Они отклоняли все предложения мира – потому что им пришлось бы поступиться добычей.

Вплоть до 1948 года представители сионистских организаций продолжали утверждать, что они несут благоденствие арабам Палестины. Так, выступая перед Англо-американской комиссией в 1946 году, казначей Еврейского агентства Элизер Каплан привёл пример долины Хефер, где были проведены мелиорационные работы. “До мелиорации, – сказал он, – в долине жило 200 бедуинских семей, страдавших от болезней. Сейчас там живёт 5000 поселенцев, и прежние обитатели остались на месте и живут куда лучше, чем раньше”. Такие разговоры способствовали принятию решения ООН о разделе Палестины – общественному мнению казалось, что евреи смогут править иноверцами как благородные, просвещенные колонизаторы – напомним, что это происходило задолго до той поры, когда слово “колонизатор” стало ругательством. Возможно, они искренне верили, что несут с собой прогресс, а не погубить местному населению. Так, у холма Тель эль-Кади, он же Тель Дан, стоит старая мельница, реконструированная в наши дни, но нормально функционировавшая до 1948 года. Там жил старый мельник-палестинец.

В 1940 году Яков Цур посетил мельницу и потолковал с мельником. Он писал: “Мельник с Тель эль-Кади бросил ещё одну пригоршню зёрен в воронку над жерновами... Кто знает, сколько лет жил здесь старик, мелющий зерно? Он едва зарабатывает себе на жизнь, обслуживая несчастные арабские сёла в окрестности, обитатели которых едва выживают от помола до помола”. Дальше Яков Цур описывает новую жизнь – прогресс, который несут евреи:

“В Дафне и Хан эль-Дувейре поселились молодые евреи... Была проложена дорога... появились новые семена и новые методы посадки. Завязалась дружба между старым мельником и его новыми соседями. И он не один – в Дафну приходит много арабских гостей. В “шатре дружбы” всегда стоит на угольях финджан с кофе для них. Дети местных жителей привыкли к виду евреев и приветствуют их словом “Шалом”. Местные жители уже поговаривают, под влиянием евреев, о новых посадках и о мелиорации. Добрососедские отношения давно сложились между арабами и евреями Верхней Галилеи. Даже волнения не испортили узы между жителями Метулы и Кфар Гилали и соседних арабских деревень”.

Яков Цур заключает: “Новые надежды возникают в сердцах местных жителей, живших в страшной бедности. Они учатся у евреев, как жить на земле, не мучаясь от нужды. Пусть благословение воды этой благословит их труды и наши”. Но в 1948 году все арабские сёла были сметены с лица земли, и старый мельник, и прочие “арабские гости” оказались в лагерях беженцев в Ливане. Благословения воды на всех не хватило.

На протяжении десятков лет израильские власти отрицали, что многие палестинцы были изгнаны, хотя это было секретом Полишинеля. “Они ушли сами, добровольно, никто их не трогал, они ушли, чтобы вернуться вместе с арабскими армиями” – эту мантру талдычили израильские представители, а друзья Израиля за рубежом отвечали истовым “аминь”. Рассказы палестинцев отменялись, как порождения необузданной восточной фантазии.

Как говорил О. Генри, трест похож на яйцо – его проще разбить изнутри. В Израиле куда меньше внутренней еврейской дисциплины, чем в других странах. Если многие евреи за границей готовы лгать во имя Израиля, израильские зачастую готовы сказать правду. Покойный премьер-министр Ицхак Рабин рассказал в своих мемуарах о том, как находившиеся под его командованием войска изгнали тысячи арабов из городов Рамле и Лидда на центральной равнине Палестины. Цензура заставила его вырезать этот рассказ, но он просочился в прессу. После этого в израильской прессе началась волна разоблачений. Можно сказать, что они стали модой в более уверенном Израиле наших дней. С каждым днём детали картины становились всё яснее.

Многие палестинцы в письмах в израильские газеты рассказывали о грузовиках, забиравших молодежь из арабских сёл и увозивших её к границе или на расстрел, о методах устрашения с единственной целью – добиться ухода палестинцев с захваченных территорий. Бен Гурион охарактеризовал массовый исход палестинцев как “чудо”. Но это чудо было получено в результате упорной работы израильтян.

Концепцию “чуда” похоронила возникшая в 80-е годы “новая историческая школа”. Эти историки – Бенни Моррис, Том Сегев, Илан Паппе, Ави Шлаим, Симха Флаган – решили сорвать всеобщий заговор молчания. Сейчас, после нескольких лет их добросовестных исследований, невозможно понять, как раньше весь мир и сами израильтяне могли верить официально лжи об “организованном и добровольном отступлении” беженцев. Израильский военный историк полковник Меирке Пеил не видит резона в наукообразных поисках причины к бегству: “Беженцы бежали по той же причине, что и все беженцы на свете – спасая свою жизнь”. Меирке знал, о чём говорил – он был наблюдателем от еврейского руководства “Хаганы” в Дейр-Яссине. Его наблюдение просто и верно. Так бежала моя семья 22 июня 1941 года из горящего Минска, так бежали миллионы людей – русских, французов, немцев, – когда приближалась линия фронта.

Беда не в том, что они бежали, но в том, что им не дали вернуться. Наверное, многие – в особенности горожане – не захотели бы вернуться. Так, моя семья осталась после войны в Новосибирске, но осталась по своей воле. Крестьяне бы вернулись. Они бы вернулись и сегодня, хотя прошло немало лет. Но сионисты действовали по методу, с тех пор примененному в Боснии, Хорватии, Косово или в завоеванных армянами областях Азербайджана. Резня не была самоцелью – целью было создание этнически чистого государства. Еврейские власти были довольны результатом “этнической чистки”. Они не скрывали радости – только десять процентов палестинцев смогли уцелеть и остаться в своих деревнях и городах в результате Накбы.

Благодаря работе “новых историков” мы можем упомянуть некоторые основные факты о войне 1948 года, ставшие известными за последние годы.

НА ВЫСОТАХ КАСТЕЛЯ

Памятником 1948 году стоит Кастель. Это самый трудный (808 м) перевал на Яффской дороге, в 10 км от Иерусалима. “Не заберется на Кастель”, – говорят иерусалимцы о маломощных машинах. К северу от шоссе и развязки находится зажиточный пригород Мевассерет, с его торговым центром, гордо подымающим ввысь эмблему “Макдоналдс”. К югу от дороги израильские флаги развеваются над холмом Кастеля. У подножия разбит парк для детей поселка Маоз Цион, выходцев из Ирака и Курдистана, привезенных в 50-х годах. Они не знают, что было на вершине, хотя у начала тропинки стоят железные щиты с пояснительными надписями: “Здесь наши доблестные силы сражались с арабскими бандами и выкурили их из ихнего бандитского гнезда”. Гид пересказывает равнодушным туристам израильскую версию истории: осажденные евреи Иерусалима ждали помощи из братского Тель-Авива, но еврейским конвоям мешали арабские банды, окопавшиеся на Кастеле.

Подымаемся наверх. Классическое село Нагорья, Кастель стоит на крутом высоком холме над вади, в русле которого проложена дорога на Иерусалим. В центре – основания римской крепости Кастеллум. Госпитальеры построили на этих основаниях замок Кастеллум Бельвеер, им правили командиры ордена из близлежащего замка Белмонт. Дома крестьян, строившиеся поначалу вокруг замка, с веками захлестнули замок. Можно пройти из дома в дом; крепкие дома Нагорья выдержали атаку Палмаха и выдержали атаку времени. Здесь они жили, арабские бандиты, и жёны их бандитки, и дети бандитята, и бандитские ослы, и бандитские овцы в бандитских хлевах, и бандитские оливы и бандитские кактусы, и всё это существовало тысячи лет, чтобы только мешать движению еврейских конвоев на шоссе.

На склоне Кастеля растёт одинокий кактус “сабра”, неизменный признак арабского села. Жители Кастеля лишились всего: домов, скота, земель, многие – жизни, и даже кактус, “сабру” взяли себе израильтяне, как символ своего молодого поколения. Ирония судьбы – выдумавшие это прозвище для родившихся в Палестине европейских евреев, возможно, не знали, что кактус был привезён в Палестину в недалеком прошлом. Они не заметили, что “сабра” растёт только вокруг арабских сёл или там, где были сёла.

Не только пояснительные надписи у Кастеля – израильские книги и путеводители так же любят святую простоту. Как правило, они не видят этих руин. Известный краевед Зеэв Вильнаи, автор десятка книг и путеводителей, описывает район Латруна так: “Возле развалин арабской деревни – два римских камня”, и даёт подробное описание римских камней, даже не останавливаясь на судьбе арабской деревни. А ведь ему известно, что она не развалилась сама по себе – дома взорвали израильские сапёры через долгое время после того, как отгремели бои Шестидневной войны, а жителей насильно вывезли на армейских грузовиках. Корреспондент израильской газеты спросил почтенного д-ра Вильнаи, почему он не упоминает об этом, и получил ответ: “Зачем вам надо копаться в грязи?” Русский путеводитель – как и другие – замечает живописные руины арабской деревушки Лифта и упоминает, что в библейские времена здесь находился источник Мей Нефтоах. Он не упоминает о том, что жители Лифты по сей день живут в лагере беженцев, а крыши их домов были нарочно проломлены, чтобы в них никто не смог поселиться. Так советские книги стыдливо умалчивают об узниках, исполнявших великие сталинские проекты.

Если же эти сёла нужно упомянуть, их называют “кфар натуш”, “покинутая деревня”. Например, израильский путеводитель пишет о селе, стоявшем на месте Кфар Сабы: “База бандитов... взят в бою... развалины видны на холме”.

Битва за Иерусалим шла в районе Кастеля. Хотя ООН постановила оставить Иерусалим под международным управлением, сионисты решили взять себе святой город. Их не останавливали ни решение ООН, ни воля иерусалимцев. В израильских пропагандистских брошюрках обычно подчёркивается, что борьба шла за Святые места, за Стену Плача. Но на деле сионисты мало интересовались Святыми местами. Бен Гурион рассказывал, что он впервые оказался у Стены Плача через несколько лет после приезда в Палестину. Стена Плача была важна для набожных евреев, но они (посторонние их называют ортодоксами, или хасидами, или богобоязненными (харедим), их вежливое самоназвание – “адук”, “тесно прильнувшие или прикипевшие к Торе”) не хотели сионистов, они предпочитали международное правление, на худой ко-

нец — эмира Абдаллу. Даже сегодня старое иерусалимское еврейское население, жившее в городе до сионистов, вывешивает чёрные флаги в день независимости Израиля. В рассказах сионистских ветеранов боев 1948 года неизменно фигурируют белые флаги над домами “богобоязненных”, вражда к сионистам, отказ оказать помощь раненым солдатам еврейской армии. И после 1948 года жители религиозных районов относились к израильским властям как к оккупантам, не общались с прочими иерусалимцами, но лишь со своей колонией на Побережье — Бней-Браком.

Война за Иерусалим, которую вел Израиль от имени “богобоязненных”, была столь же парадоксальной, как и занятие Наблуса во имя спасения самарян, или — предположим — “освобождение” Антверпена с его евреями — полировщиками бриллиантов. “Богобоязненные” хотели Стену Плача и не хотели сионистов, сионисты не нуждались ни в Стене Плача, ни в “богобоязненных”, но воспользовались и тем и другими для оправдания своего завоевания Иерусалима.

При разделе Иерусалима пострадали и Святые места. Не знаю, что было бы, если бы израильтянам удалось занять Старый город в 1948 году, что стало бы с мечетью эль-Акса в дни решительного Бен Гуриона, который и в 1967 году требовал снести крепостные стены, построенные Сулейманом Великолепным. Но и так святые места пострадали. На въезде в город стоит многоэтажный отель “Хилтон”. Он построен на одном из самых почитаемых вали Нагорья — на гробнице шейха Бадра, древнем святылище. Кладбище Мамиллы, где похоронены победители крестоносцев, превращено в стоянку для автомобилей. Многочисленные вали Коридора разваливаются без присмотра — в районе не осталось крестьян, которые заботились бы о них, а вакф — мусульманский религиозный фонд с его огромными угодьями и доходами — был практически экспроприирован Израилем в 1948 году и не может тратить на это деньги. Вакф был провозглашен “отсутствующим лицом”, а поскольку речь идёт о “собственности Бога”, поэт Рашид Хуссейн писал об этом решении: “Господь Бог тоже стал палестинским беженцем”.

Да и можно ли убивать и покорять живых людей во имя мертвых камней? Можно ли “освободить” камни? Стоило ли во имя контроля над Стеной Плача стирать с лица земли целые жилые районы? Большинство израильтян отвечает на эти вопросы утвердительно, если речь идёт о палестинцах.

Бои за Иерусалим начали правые сионистские боевики “Эцель” и “Лехи”, первыми приступившие к слепому террору против гражданского палестинского населения. Сначала они терроризировали жителей Лифты и Ромемы, затем, 13-го и 29 декабря 1947 г., они бросили бомбы в толпу покупателей на базаре у Яфских ворот, убили шестерых и ранили 40 человек. “Хагана” не уступала в рвении — 5 января 1948-го её бойцы подорвали гостиницу “Семирамида” и убили 15 невинных палестинцев. 7 января 1948 года бойцы “Эцеля” бросили бомбу в толпу палестинцев, ждавших автобуса у Дамасских ворот, и убили 17 человек. Палестинцы ответили взрывами на улице Бен Иегуда и у Еврейского агентства (о которых, в отличие от актов еврейского террора, можно прочесть во всех книжках про войну 1948 года, изданных в Израиле или Америке).

В Иерусалиме уже была применена тактика изгнания мирного населения в Ромеме, в Катамоне, Шейх Бадере. Палестинцы начинали понимать, что им грозит страшная судьба. Поэтому борьба была такой упорной, несмотря на вопиющее неравенство сил. Война за коридор завершилась до конца британского мандата, когда на территории Палестины ещё не было войск арабских государств. Эти войска и потом мало что меняли — у них не было оружия, денег, солдат и желания воевать. Но ранее, в апреле-мае, у палестинцев вообще не было шансов удержаться.

По книге президента Израиля Хаима Герцога “Израильско-арабские войны”, ко времени принятия резолюции о разделе в Пальмахе — в отборных частях еврейской общины — состояло 4000 бойцов, а все еврейские вооружённые силы насчитывали 15 тыс. бойцов передовой линии и 30 тыс. бойцов территориальных отрядов. Кроме этого, “Эцель” и “Лехи” располагали 4 тысячами бойцов. У палестинцев же, по тому же источнику, было две партизанских группировки Армии Спасения, насчитывавших около тысячи человек каждая, несколько неорганизованных партизан на юге Палестины и Армия Освобождения под командой Каукджи, насчитывавшая на бумаге около шести тысяч человек. По данным Ури Мильштейна, у палестинцев было лишь триста обученных бойцов на всю страну. В районе Коридора сражалось только на-

родное ополчение из окрестных сёл и из Иерусалима. У ополченцев не было ни оружия, ни боевой подготовки, заслуживающих этого имени: король Саудовской Аравии послал им партию примитивных ружей конца XIX века, которые и использовать не удалось, да на “чёрном рынке” они смогли купить несколько ружей по безумной цене: старый ржавый маузер стоил сто фунтов, в четыре раза больше, чем обычно. Подготовка была примитивной, импровизированной. Рекрут, умевший выстрелить пол-обоймы в цель и бросить ручную гранату, считался хорошо обученным солдатом.

И всё же крестьяне и ополченцы упорно сражались за свои дома, за свои поля, за свои села, где жили их предки из колена Иуды и Вениамина, избравшие землю, а не веру. Во главе ополчения стоял Панфилов (или Трумпельдор) палестинцев, Абд эль-Кадир из рода Хуссейни, одного из трёх знатнейших родов арабского Иерусалима. Боям не было видно конца – сколько ни напирали полки Пальмаха на село, крестьяне держались. Дома села переходили из рук в руки, как в Сталинграде. Гибель Абд эль-Кадира эль-Хуссейни положила конец сопротивлению. Он погиб восьмого апреля 1948 года, за день до резни в Дейр-Яссине, случайной смертью. Он шёл по полю, его окликнули двое из еврейского окопа, принявшие его за своего. Они окликнули его по-арабски: это были евреи из Ирака, совсем недавно приехавшие в Палестину и не знавшие иврита, эль-Хуссейни принял их за англичан – неподалёку находились английские позиции, и до конца британского мандата было ещё больше месяца – и ответил по-английски “Хэлло, бойс”. Его ранили и казнили в тот же день.

Целый день тело эль-Хуссейни лежало на поле битвы, пока палестинцы не поняли, что их вождь был убит. Яростной волной поднялись палестинцы и выбили евреев из Кастеля. Их контратака была столь мощной, что еврейские силы не смогли удержаться и откатились далеко от села. Через несколько дней Пальмах броском вступил в Кастель, но, к изумлению бойцов, в селе никого не было – Кастель был пуст.

Горе захлестнуло Палестину, когда весть о смерти Хуссейни дошла до Иерусалима. Это было на Пасху, когда иерусалимские мусульмане обычно едут весёлым поездом со знамёнами, барабанным боем, громом литавров и стрельбой “фантази” на восток, в сердце пустыни, к древней крепости Нэби Мусса.

Нэби Мусса лежит к востоку от дороги, идущей вдоль долины Букеа в Иудейской пустыне. Букеа – продольная складка на мятой и плешивой шкуре пустыни, неожиданно ровное место с лунным пейзажем. Чтобы посмотреть краем глаза на пустыню, если больше нет времени, нужно заехать в долину Букеа, к Нэби Мусса. С асфальта сходить и съезжать можно только в субботу и праздник, потому что в будние дни можно упасть ненароком под артобстрел: Иудейская пустыня – место зимних учений армии.

Нэби Мусса – перл этой безводной долины. Судя по грудам камней калколитической эпохи, это место считалось святым испокон веков. Мусульмане считают, что здесь погребен Моисей, хотя в Библии говорится, что Моисей погребен неведомо где на горе Нево, к востоку от Иордана. Это расхождение объясняют тем, что с маленького холма Нэби Мусса видна гора Нево, и так это перепуталось с годами. Нэби Мусса – не скромная гробница шейха, но мощная четырёхугольная крепость с многими куполами.

Её воздвиг победитель монголов, гроза крестоносцев, покоритель Кесарии, разоритель Арсуфа султан Байбарс. Он же завёл обычай ежегодного празднества в этом месте, когда десятки и сотни повозок устремляются из Иерусалима к святой гробнице Моисея. Тут праздновались свадьбы, гулялись гуляния, устраивались семейные пикники – и всё это в Пасху, когда в Иерусалиме собираются многочисленные христианские паломники. Байбарс боялся, что однажды паломники захватят Иерусалим, и он хотел иметь под руками мобилизованное мусульманское население. Этот праздник было особенно легко ввести потому, что мусульмане Святой земли когда-то были христианами и иудеями и склонны были отмечать весенний праздник Пасхи, вплоть до обычая красить яйца. Празднество Нэби Мусса длилось 7 дней, а начиналось молебном на Храмовой горе.

Пасхой 1948 года окончился этот, продержавшийся семьсот лет, обычай. Траур по Хуссейни уничтожил радость весеннего праздника. Только в 1984 году, впервые за 35 лет, тысячи иерусалимцев выбрали в этот день к Нэби Мусса, к гробнице Моисея, на которого, как и на Палестину, у иудеев нет монопотии.

После смерти Хуссейни положение палестинцев стало и вовсе отчаянным. Даже учитывая самого необученного феллаха с дедовским кремневым ружьем, они могли выставить в поле лишь несколько тысяч человек. На уровне организованных военных полевых частей — батальонов и бригад — у палестинцев были только отряды Каукджи, которые не могли сравниться с бригадами Пальмаха и Хаганы. Возможно, вся Палестина к западу от Иордана стала бы еврейской, и судьбу Лифты и Кастеля разделили бы Наблус и Хеврон, но в это время на помощь палестинцам пришёл Арабский легион под командованием легендарного Глабба.

Глабб-паша, как его звали на Востоке, или сэр Джон Баггот Глабб, как его звали в Англии, был воином из того же теста, что и Лоуренс Аравийский и Орд Вингейт: европейским солдатом, подпавшим под очарование Востока. Но Лоуренса в наши дни считают выдумщиком, а Глабб доказал свое военное мастерство в настоящих боях. Орд Вингейт выбрал сторону евреев в палестинском конфликте и стал первым наставником воинов Пальмаха. Глабб избрал арабов.

Сын английского генерала, полковник Глабб отличился в Первой мировой войне, а после войны ускользнул от скучной казарменной жизни на Ближний Восток. Он научился говорить по-арабски, верхом на верблюде пересек в одиночку пустыню между Палестиной и Междуречьем и в 1930 году получил важное задание от эмира Трансиордании, ставшее началом его карьеры.

В те годы оседлое население Восточного берега Иордана страдало от налетов воинственных бедуинских племен. Глабб был послан замирить бедуинов. Он пошел по необычному пути и вместо того, чтобы укрощать бедуинские племена огнем и мечом, избрал подход Макаренко. Он понял, что бедуины гордятся боевой доблестью, и сыграл на этом. Глабб создал отряды Разведчиков Пустыни (эль-Бадриэ), служба в которых стала высшей честью для бедуина. Он сколотил удальцов пустыни в дисциплинированные военные отряды, и через два года налеты на города и села полностью прекратились, а своей боевой запал бедуины тратили в учениях и патрулях под командой Глабба.

“Я замирил бедуинов, не посадив ни одного в тюрьму и не потратив ни одной пули”, — говорил он о себе с гордостью. Эти отряды и стали основой Арабского легиона. Президент Хаим Герцог писал: “Арабский легион под командой генерал-лейтенанта сэра Джона Баггота Глабб-паши, ветерана Первой мировой войны, был наиболее действенной и хорошо обученной арабской армией. Свободно говоривший по-арабски Глабб преобразовал Легион из пограничных частей в пустыне — в современную армию. Глабб, душой слившийся со своими вольными и независимыми бедуинами, с его личным влиянием и авторитетом, смог создать внушительную воинскую силу, применив британскую дисциплину и организацию к бедуинам с их прирождёнными боевыми качествами”.

В 1941 году, когда в Ираке состоялся прогерманский путч, Легион шёл в авангарде британской колонны на Багдад, по безводным пустыням, штурмовал оазис Пальмиру и отличился при взятии Багдада. Бедуины Глабба ходили в длинных “юбках” — галабие, волосы заплетали в косу, и английские бойцы прозвали их “девчонками Глабба”.

В израильских учебниках и пропагандных изданиях всегда подчёркивается, что многие арабы сотрудничали с нацистской Германией. Это правда, но не вся правда. Были арабские лидеры, вроде муфтия Иерусалима хаджи эль-Хуссейни, ставшие на Германию в борьбе с колониальной державой. Но были и воины Арабского легиона, которые уничтожили германскую базу в Ираке и обезопасили Палестину.

В Ираке “девчонки Глабба” отличились в борьбе с прогерманскими повстанцами Фаузи Каукджи. Прошло несколько лет, и в 1948 году Глабб и Каукджи оказались невольно союзниками в войне. Получив приказ короля Абдаллы, Глабб пересек Иордан и пошел по трудным дорогам из Иерихона на Рамаллу — “по дороге Иисуса Навина”, писал Глабб, склонный к библейским ссылкам, как и Орд Вингейт. С ним шли и палестинцы, “кряжистые горцы Хеврона, похожие на наших шотландских горцев, упрямые, стойкие, хорошие воины” (Глабб).

Глабб берег своих солдат и не хотел бросать их в городские бои. Только под давлением короля он вошёл в Иерусалим, но и там не пытался взять западный, еврейский город. Впрочем, в 1948 году арабские силы практически

нигде не пересекали указанных ООН границ еврейского государства. Ави Шлаим, израильский “новый историк”, живущий в Англии, доказал в своей книге “Сговор на Иордане”, что иорданский король заключил тайный договор с еврейским руководством: он обязался не покушаться на еврейские территории, а они обещали не мешать ему присоединить оставшиеся палестинские земли к своему королевству. Они лишь не договорились – какие земли останутся у палестинцев. Бен Гурион хотел завоевать всю Палестину, а его правые оппоненты хотели покорить и Трансиорданию.

Поэтому Арабскому легиону пришлось повоевать. Глабб пишет в своей книге, что денег ему не давали, обещанные суммы из Ирака и Египта так и не поступили, боеприпасов не было. Когда он объяснял королю, что армия не может воевать без патронов, его упрекали в том, что он продался сионистам. Деньги, как всегда, решали почти всё: Голда Меир отправилась в Америку для сбора средств на войну и собрала 50 миллионов долларов. Это в три раза превышало годовой доход Саудовской Аравии от продажи нефти в 1947 году: в те годы у арабов не было нефтяных богатств, а то, что было, они не спешили потратить на палестинцев. (Военные бюджеты арабских стран того времени показывают, что у Израиля было куда больше денег. Бюджет Египта составлял 8 миллионов фунтов, Сирии – 2,5 млн ф., Ливана – 1 млн ф., Ирака – 6 млн ф. и Иордании – 7,5 млн ф. Вовсе не все эти суммы предназначались для войны в Палестине.) В распоряжении Глабба не было и десятой части той суммы, которую привезла Голда Меир. Поэтому он стремился к перемирию с израильтянами. Не из пацифизма, в этом старого вояку не стоило упрекать, не из трусости – из-за нехватки боеприпасов и денег. Всё же Легион повоевал и в тяжелых боях удержал Латрун и высоты за Маале ха-Ха-миша, на пути к Рамалле. Поэтому крестьяне района Латруна – Ялу, Дейр Аюба, Имваса, Бет Нубы – смогли прожить под сенью своих смоковниц на 19 лет дольше, чем крестьяне ближней Абу Шуши – только в 1967 году, после Шестидневной войны, к ним пришли армейские бульдозеры, смели их дома с лица земли и превратили окрестности в заповедник горного сельского хозяйства, Парк Канады – в честь пожегшего его создание канадского еврейства.

Все прочие силы арабских государств, которые так любят перечислять израильские историки-популяризаторы, не собирались проливать кровь за Палестину, которая досталась бы королю Абдалле. Между арабскими государствами не было согласия, и они направили лишь символические силы для защиты палестинцев: кто – роту, а кто – батальон. Этого было недостаточно для войны. Только Арабский легион воевал всерьёз, но силы были неравны.

Глаббу и Арабскому легиону удалось остановить израильтян, но отбить Коридор они не смогли. Заключённый на Родосе договор о перемирии закрепил эту границу, а прошедшее время сделало её священной в глазах самых прогрессивных израильтян, готовых поступиться более поздними завоеваниями. В этих местах можно призадуматься о странном повороте событий, приведшем к конфронтации. Если бы староверы России попытались выселить православных, утверждая, что до Петра вся Россия крестилась двуперстием; если бы копты Египта пытались изгнать мусульман в пустыню, если бы друиды Уэльса потребовали эвакуации Лондона, возник бы исторический эквивалент происходившему в 1948 году. Палестинцы, жители Святой земли, были прямыми потомками древних обитателей страны. Они чтити её святых от Моисея и Давида до Маккавеев и Иисуса, её святыни от Храмовой горы до гробницы патриархов и Гроба Господня. Они возделывали поля, виноградники, оливковые рощи, ухаживали за её родниками.

Пришельцы-евреи тоже были потомками древних обитателей страны, давно покинувшими её в силу разных обстоятельств, хранившими древнюю религию страны. Объединившись, слившись в один народ, пришельцы и местные жители смогли бы исцелить древнюю шизофрению Палестины, стародавнее раздвоение личности, по которому оставшиеся в Палестине перестали считать себя евреями, а евреи за рубежом перестали считать себя палестинцами. Вместо этого две половины единого целого взялись за оружие, стараясь уничтожить друг друга. Погромы в Хевроне и Яффе показали, что и палестинцы способны на резню и уничтожение мирного еврейского населения.

Говоря мудрыми словами Джорджа Бреннана (он писал про гражданскую войну в Испании): “В гражданских войнах больше крови проливает победитель”. В войне 1948 года победили евреи. Соответственно, пролитая кровь была палестинской – и она отравила землю, отнятую у палестинцев.